

Г. Ю. Филипповский

ПОЭТИКА ЭКСПОЗИЦИЙ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ РУСИ XII ВЕКА

Литературная традиция Руси XII века включает целый ряд произведений, где основному тексту предшествует вступление или экспозиция¹. Наиболее известный, но, конечно, далеко не единственный пример подобного вступления дает «Слово о полку Игореве»², где центральное место в экспозиции занимает образ Бояна, несущий важную художественную функцию и в формировании поэтической, литературной концепции произведения в целом³. То же можно сказать о других литературных памятниках Руси XII века, тексты вступления которых выводят на ведущие параметры основного текста памятника. Иными словами, вступление, экспозиция не только открывает собой текст произведения, но и представляет собой некий ключ к его художественной концепции.

Наиболее яркий образец не столько вступления, сколько экспозиции дает такой характерный для своей эпохи памятник, как «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери»⁴. Еще совсем недавно связь краткой редакции этого произведения с эпохой Андрея Боголюбского, третьей четвертью XII века (а не XV в., каким датируется его наиболее ранний сохранившийся рукописный список), встречала серьезное сопротивление в академической среде. Сейчас этот замечательный литературный текст занял свое полноправное место в одном ряду с «Повестью временных лет» и от-

¹ См. Хализев В. Е. Теория литературы. М., 1999. С. 279; Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др. / Под ред. Л. В. Чернец. М., 1999. С. 122; В. А. Грехнев отмечает, что начало произведения (его «зачин») составляет «предмет особых художественных усилий» и имеет форму либо «решительного приступа к действию», либо «обстоятельного развертывания экспозиции» (В. А. Грехнев. Словесный образ и литературное произведение. Нижний Новгород, 1997. С. 123—125).

² См.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве» Т. 2. СПб., 1995. С. 215—218 («Зачин в «Слове»»; там же и библиография по теме).

³ См.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. С. 147—153 (там же и библиография); об образе Бояна и его значении для художественной концепции «Слова» в целом см.: Филипповский Г. Ю. Работа над текстом «Слова о полку Игореве» в школе // Ярославский педагогический вестник. 1996. № 2. С. 79—84; Он же. К вопросу о художественной концепции «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 50. (К 90-летию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева). СПб., 1997. С. 470—474.

⁴ Ключевский В. О. Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери. М., 1878.

дельными полноформатными произведениями, инкорпорированными в ее состав — «Поучением» Владимира Мономаха, «Повестью об ослеплении князя Василька Ростиславича», а также другими, снабженными вступлениями или экспозициями — «Словом о полку Игореве», «Повестью об убиении князя Андрея Боголюбского»⁵. Безусловно, вопросы типологического изучения аспектов поэтики экспозиций в памятниках Руси XII века способны открыть линии внутренней связи и взаимодействия в рамках литературной традиции данной конкретной эпохи раннего развития оригинальной русской книжности.

Открывается «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» сравнением уже тогда прославленной иконы с солнцем, а конкретно их чудотворным значением для всей Вселенной, которую они обходят и благодетельствуют. Ключевое же значение в плане художественной концепции всего последующего текста произведения приобретает эпизод, где говорится, что икона трижды сама сходит с места (как бы иницируя движение) в храме женского монастыря в Вышгороде: «яко трижды сступила с мѣста: первое внидоша в церковь и видѣша ю среди церкви особь стоящу. И поставиша ю на иномъ мѣсте. Второе видѣвше ю ко олтареву лицемъ обратившуся. И ркоша, яко во олтареву хоцет стояти, и поставиша ю за трапезою. Третие видѣша ю кромѣ трапезы о себѣ стоящу и иных чудес множество»⁶. Чудеса иконы в ее движении, путешествии из Киева (Вышгоро-да) во Владимир-на-Клязьме (Боголюбово) уже заданы, мотивированы троекратным движением ее с места в эпизоде экспозиции. Задана и жанровая специфика текста как цикла, цепочки новелл-чудес иконы в ее движении с юга на север. Задана, мотивирована и литературная форма, отражающая эпохальный переход князя Андрея Юрьевича Боголюбского на Ростовскую землю, и перенос центра русской государственности с киевского юга на владимирский (позже московский) север. Троекратное движение иконы не просто начально, инициативно, но и концептуально. Тем самым, вступление «Сказания о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» XII века может считаться классическим примером, образцом экспозиции, как мы увидим далее, характерной для литературной традиции Руси XII века.

Памятники времени Андрея Боголюбского являются прекрасной иллюстрацией к теоретическому тезису Д. С. Лихачева о «динамическом монументализме»⁷ как характеристике литературной эпохи. Так, в тексте «Сказания о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» герой повести князь Андрей Юрьевич, узнав о движении иконы в храме, молится перед ней: «О Пресвятая богородице, мати Христа Бога нашего, аще хоцещи ми заступница быти на Ростовскую землю, посѣти новопросвещенные люди, да по твоей воли вся си будут». И тогда возьм икону поѣха на Ростовскую землю, поим крилос с собою»⁸. Эпизод первого чуда на реке Вазузе повествует о всаднике на коне, а следующий эпизод-новелла на Рогожских полях — «на истоцу» — описывает чудо спасения Попадья (Микулиной) от взбесившегося коня-русалки». В финальном эпизоде в движение приходят уже элементы архитектурного строительства князя Андрея Юрьевича — новопостроенные створки Золотых Ворот новой столицы Руси Владимира-на-Клязьме. Не будем забывать, что лейтмотивные эпизоды движения, различного рода динамика мотивированы в тексте «Сказания» уже в экспозиции эпизодом тройного движения с места иконы Владимирской Богоматери — главной героини «Сказания» (наряду с князем Андреем Юрьевичем, который, разумеется, также является полноправным героем повествования). Тем самым, одним образным символическим эпизодом обозначено не только

⁵ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI—XIV вв. Л., 1987. С. 416—418; Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997. С. 218—225, 618—621.

⁶ Ключевский В. О. Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери. С. 30.

⁷ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени // Русская литература. 1976. № 2. С. 27.

⁸ Ключевский В. О. Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери. С. 30—31.

начало произведения, сюжета, его динамической художественной концепции. Символически инициирован качественно новый этап русской истории и развития цивилизации⁹.

Сакрально-ритуальная троичность сама по себе, конечно, отнюдь не введена впервые, не изобретена автором «Сказания» (по предположению Н. Н. Воронина, им являлся первый настоятель Успенского собора Владимира-на-Клязьме о. Николай-Микула)¹⁰. Корни ритуальной семантики троичности восходят к архаике. Через все раннехристианское средневековье эта символика приходит к памятникам книжности, литературы Руси XII века. Авторы-составители разных редакций «Повести временных лет» были особенно чувствительны к теме начал Русской земли, что и отобразили в ее заглавии, которое, можно думать, выполнило в известном смысле роль и функцию своеобразной экспозиции: «Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, кто в Кieve нача первое кня-жити, и откуда Руская земля стала есть». Если образ-символ (концепт) «Руская земля» повторен дважды, то реально мотив начал повторен трижды: «откуда есть пошла», «кто в Кieve нача первѣе», «откуда Руская земля стала есть»¹¹. Если же говорить о повторе образа-символа Русской земли, то достаточно обратиться к другим произведениям литературы Руси XII века: «Поучению Мономаха», «Хожению Игумена Даниила в Святую Землю», «Повести об ослеплении князя Василька Ростисла-вича», «Слову о полку Игореве», чтобы убедиться какое важное, ведущее место занимает этот глобальный образ-концепт в литературной традиции Руси XII века. Образ Русской Земли подчас выступает как главный мотив многих произведений этой эпохи, оттесняя на второй план реальные образы князей-героев. Это динамический мотив, формирующий связь прошлого, настоящего и будущего Руси, соотносимый в аспекте его начал с актуальными началами христианского самосознания Руси, началами ее книжной культуры, литературы.

Образ Русской земли трижды повторен в экспозиции «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича» (вписанной под 1097 годом в мономахову редакцию «Повести временных лет»). Текст здесь отнюдь не номинально открывает пространственный повествовательный массив «Повести». Трижды повторен здесь же и ведущий для художественной концепции повести образ-символ Креста. Архитектоника троичности буквально пронизывает повесть: три эпизода кульминации, три эпизода развязки (три мести Василька), трижды повторена сакрально-символическая фраза на переходе героя в междумирии жизни и смерти — «бысть яко и мертвъ», трижды обращается Святополк к герою, заманивая его на пир — именины, чтобы схватить и предать казни, и т. д.¹² Образ Русской земли выступает как реально главный герой произведения: Василько как главный герой развенчан и снижен в эпизодах развязки. Поднят образ Владимира Мономаха, радеющего за беды Русской земли, в третьем кульминационном эпизоде — плаче Мономаха. Следует особо отметить, что «Повесть» (как и «Поучение» Мономаха) — произведение отнюдь не анонимное: его автор очевиден и назван: книжник Василий называет себя в сцене исповеди героя в темнице.

Экспозиция «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича» не только называет, перечисляет всех основных действующих лиц предстоящей драмы, в том числе князей — будущих антагонистов (парные оппозиции Святополка и Давида, с одной стороны, и Василька и Владимира Мономаха, с другой) обозначены автором уже в начале завязки. Больше того, здесь названы и члены другой парной оппозиции, сопряженной, соположенной (в том числе и по тексту) с «Повестью» — в

⁹ См. подробнее: Филипповский Г. Ю. Столетие дерзаний. Владимирская Русь в литературе XII века. М., 1991.

¹⁰ Воронин Н. Н. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. Ч. 1. Культ Владимирской иконы // Византизм и славянство. М., 1965. Т. 26. С. 208.

¹¹ См. Филипповский Г. Ю. «Повесть временных лет» как интертекст в «Слове о полку Игореве» // Чтения по истории и культуре древней и новой России. Материалы конференции. Ярославль, 1998. С. 7—11.

¹² См.: ПЛДР: XI— начало XII века / Сост. и общая редакция Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1978. С. 246—267.

«Поучении» Мономаха: сам Владимир Мономах и его антагонист по тексту финальной, заключительной части «Поучения» — послания 1096 года — князь Олег Святославич. Парность двух троичных повторов в экспозиции образов-символов Русской земли и Креста реально соотносена в повести с другими ведущими оппозициями: Креста и ножа, а также ведущей сюжетно-смысловой оппозиции: нарушения крестоцелования (клятвы на Кресте) и Божьего Суда как отместия крестопреступникам от Бога: оппозиция преступления и наказания. Вероятность, допустимость нарушения крестоцелования заложена как бы в подтексте экспозиции: «И на том цѣловаша крѣст: «Да аще кто отсели на кого будет, то на того будем вси и крѣст честный»»¹³. Структурная основа троичных повторов в экспозиции «Повести» опирается на базовые бинарные оппозиции, что, как увидим далее, выступает в структуре литературной поэтики экспозиций памятников литературы Руси XII века как базовый принцип¹⁴. Совсем не случайно в финале экспозиции клятва князей произнесена, воспроизведена дважды: одна приведена выше, вторая: «Рекоша вси: «Да будет на нь хрѣст честный и вся земля Русьская»».

Подобно «Сказанию о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» композиция «Повести» не просто четка, но весьма динамична. Каждая часть отделена от другой глаголами движения: экспозиция — завязка: «И цѣловашеся поидоша в свояси. — И приде Святополкъ с Давыдомъ Киеву...»; завязка—1-я кульминация: «И на ту ночь ведоша и Бѣлугороду, иже град малъ у Киева яко 10 версть в дале, и привезоша и на колех...»; 1-я кульминация — 2-я кульминация: «взложиша на кола яко мертва, повезоша и Володимерю. И бысть везому ему...»; 2-я кульминация — 3-я кульминация: «поидоша с ним вскорѣ на кодѣх, а по грудну пути бѣ бо тогда мѣсець грудень, рекше ноябрь. И придоша с ним Володимерю...» и т. д.

Разумеется, необходимо учитывать то важное обстоятельство, что «Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича» (как и «Повесть временных лет» в целом) — произведение начала XII века, созданное в эпоху Владимира Мономаха задолго до появления на свет «Сказания о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» (не говоря о «Слове о полку Игореве», появившемся никак не ранее 1185 года — времени описываемого похода князя Игоря Святославича на половцев). Тем не менее, эпизод съезда князей в Любече «на устроенье мира», их «ряд», клятва на кресте и последующий разъезд восвояси создают ту же ситуацию «отпущенной пружины», которую встречаем и в соотношении экспозиции-основного текста-пути в «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери». Другое дело, что главным в «Повести» выступает та тональность пути, которую встречаем и в «Поучении» Владимира Мономаха — нравственного пути человека в междумирии Добра и Зла, Жизни и Смерти. Название места сбора Любеч вполне соотносено с основной идеей любви и братолюбия князей: «да имемся въ едино сердце». Функционально экспозиция «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича» (как части великой литературно-исторической эпопеи ранней Руси — «Повести временных лет») начала XII века мотивирует не только основные линии литературного развития раннесредневековой оригинальной русской литературы. Поэтической интерпретацией этих же двух великих тем выступило в конце XII века «Слово о полку Игореве» (ск. ключевое в этом плане «Сон и Золотое слово Святослава Киевского», осуждающее и оплакивающее пе-

¹³ ПЛДР: XI— начало XII века. С. 248.

¹⁴ О поэтике «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича», трехчастной модели мотива возвращения в ней и в «Слове о полку Игореве», других произведениях Руси XI—XII в. см.: Филипповский Г. Ю. Об одной модели сюжетосложения в литературе Руси XII в. // Проблемы истории литературы. Вып. 5. М., 1998. С. 10—20; Он же. У истоков литературы Руси. Художественная поэтика «Повести об ослеплении Василька Ростиславича» к. XI—н. XII вв. // Русский язык. Культура. История. Сборник материалов II научной конференции лингвистов, литературоведов, фольклористов. Ч. 1. М., 1997. С. 71—77.

чальные итоги дерзкой авантюры князей и обсуждающее проблемы войны и мира на фоне сюжетов о злосчастном походе Игоря и судьбах княжеской Руси).

В своем недавнем исследовании поэтики и лингвистики текста «Слова о полку Игореве» Т. М. Николаева на основе обширной уже научной традиции изучения системы повторов в этой поэме XII века предложила в качестве ведущего приема авторской поэтики «Слова» метод антитез-скреп¹³. О специфике литературных оппозиций — антитез уже говорилось отчасти на материале экспозиции «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича». Прежде чем обсуждать экспозицию «Слова о полку Игореве» в русле метода антитез-скреп представляется целесообразным обратиться сначала к тексту экспозиции «Поучения» князя Владимира Мономаха. Во-первых, «Поучение» — один из наиболее ранних и аутентичных литературных памятников Руси XII века¹⁶. Во-вторых, в силу составной, мозаичной природы трехчастного текста авторская мотивация его внутренней целостности, единства в текстовой логике экспозиции приобретает особое значение и ценность для исследования. В-третьих, обозначенная в экспозиции «Поучения» реальная переключка и связь с материалом «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича» дает право на сравнительно-типологические наблюдения над материалом экспозиции того и другого литературного памятника.

«Поучение» открывается триединой конструкцией ритуального упоминания предков — деда, Ярослава Мудрого, которого автор называет «благословеннымъ, славнымъ», отца, названного «возлюбленнымъ», и матери «Мьномахы». Экспозиция включает три лексемы с семантикой начала: «нач-нетъ», «первое», «начатокъ». Однако, скрытая «пружина» повествовательного авторского замысла заложена в экспозиции весьма оригинально. Мономах поставил своей целью открыть читателю (к которому он неоднократно обращается в тексте экспозиции) где, когда и почему он начал работу над текстом своего произведения, что подвигло его, подтолкнуло к началу этой работы. На самом деле, князь Владимир Всеволодович — воин-полководец, дипломат, государственно-политическая личность и т. д., и вдруг он предстает перед своими современниками и потомками как писатель, автор текста автобиографическо-исповедального характера, открывая перед читателем свою душу, тайники своего внутреннего мира. Ядром экспозиции является изложенный автором эпизод встречи с братьями на Волге (на пути), где посол вручает ему письмо с предложением совместного похода против уже ослепленного Василька Ростиславича и его брата Володаря: «Потьснися к нам, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимем». Мономах отказывается идти, ссылаясь на крестную клятву (в Любече): «Не могу вы я ити, ни креста переступити». Оклеветанный вместе с Василько после Любеческого съезда, Мономах-автор сознательно вводит интертекстуальную основу «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича»¹⁷. К внутренней душевной коллизии, борьбе, разладу, связанным с последствиями трагического нарушения любеческого крестоцелования братьями, Мономах обращается как к первопричине, подтолкнувшей его к началу работы над текстом своей «Исповеди». Отказав братьям в союзе, нарушив тем самым родовые узы, Владимир Мономах в сложной ситуации ищет ответы у Бога, гадая на Псалтири, а затем делает выписки по одной волновавшей его теме — преследовании грешником праведного, защиты праведного Богом и отмстия преследователю от Бога: «Яко мышца грѣшныхъ скрутится, утверждаетъ же праведныя Господь».

В этой поведенной в экспозиции очень личной истории Мономах видит не только первоначала своей писательской работы над «Поучением», но и первоначала, первоустои своего внутреннего

¹³ Николаева Т. М. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста // «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. М., 1997. С. 21.

¹⁶ ПЛДР: XI— начало XII века. С. 392—413.

¹⁷ См. об этом: Филипповский Г. Ю. Работа над текстом «Поучения» Владимира Мономаха в школе // Ярославский педагогический вестник. 1997. № 4. С. 146—148; Он же. Владимир Мономах. Завещано потомкам. Ярославль, 1999.

мира, мира своей души, — а ведь об этом как раз вся его книга-завещание современникам и потомкам. Экспозиция дает ключ не только к книге как тексту, но и к книге его души, повествующей об испытаниях души автора на пространстве всей его многосложной и многотрудной жизни. Примечательно, что во вступлении к своей книге Мономах больше всего говорит о конце своего жизненного пути — дважды упоминается: «Сѣдя на санех» и «На далечи пути, да на санех сѣдя». Чтение Псалтири тесно связано в экспозиции с началом собственного писательского, авторского труда: «И отрядивъ я, возьмъ Псалтирю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня: «Векую печалуеши душе? Векую смущаеши мя?» и прочая. И потомъ собрах словца си любая, и складохъ по ряду и написах: еще вы послѣдняя не любя, а передняя принимайте». Так заканчивается экспозиция «Поучения» Мономаха, заканчивается отсылкой читателя опять же к «передним», то есть, начальным частям его текста. Противопоставляя начальные и конечные фазы и текста, и жизни, Мономах здесь же широко обращается к ведущей христианской нравственной антитезе грешника-праведного (цитируя Псалтирь). Антитезы, как уже было отмечено, пронизывают весь текст экспозиции, являясь ни чем иным, как антитезами-скрепами. Речь идет о цепочке отрицательных конструкций, противопоставлений, оппозиций, которые в тексте экспозиции группируются в три текстовых эпизода.

Первый из них включает группу из двух парных отрицательных конструкций: «Да дѣти мои, или инь кто, слышавъ сию грамотицю, не посмѣйтесь. но ему же любя дѣтий моихъ, а приметь е в сердце свое, и не лѣзнитися начать тако же и тужатися». Второй текстовый эпизод также опирается на отрицательные конструкции: «Аще ли кому не любя грамотная си. а не поохритаются. но тако се ре-кутъ: на далечи пути, да на санех сѣдя, безлѣпицю си молвиль». Третий эпизод, включающий антитезы-скрепы (формирующие единство текста в его перспективе, динамике), это уже обсуждавшийся рассказ о встрече с послами братьев на Волге, пробрасывающий нити ко всей проблематике «преступления и наказания» и «мира-Мира»: 1) «Потьснися к нам, да выженемъ Ростиславича и волость их отъимем; иже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будем, а ты собѣ: 2) «И рѣхъ: Аще вы ся и гневаете, не могу вы я ити. ни креста переступити»¹⁸.

Троичность и двоичность текстовых повторов, включая синтаксические конструкции, модули повторяемости, формируют, определяют литературную структуру текста, в данном конкретном случае, экспозиции «Поучения» Владимира Мономаха. Термин «антитеза-скрепа», как представляется, чрезвычайно точно формулирует суть структурного представления экспозиции, придавая ей вдобавок своеобразную завязывающую функцию (подобного рода отрицательные конструкции-антитезы чрезвычайно характерны для завязки текста «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича», с присущей ей динамической тенденцией сюжетного развития). Кстати, экспозиция «Поучения» сближается структурно с началом «Повести» еще и наличием диалогического контекста. Только функция диалога в них различна: в «Поучении» это стремление автора завязать свои отношения с читателем (ведь ему предстоит раскрыть перед читателем свою душу), а в «Повести» сквозной диалог героев подчеркивает драматическую динамику сюжетной коллизии, сталкивая героев-антагонистов и ведя их стезей драматического сюжета.

Наличие троичности уже во вступительной части, экспозиции целого ряда рассмотренных текстов памятников Руси XII века («Повесть временных лет», «Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича», «Поучение» князя Владимира Мономаха, «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери») позволяет говорить о его символической связи с миром первоначал бытия в сознании средневекового писателя и читателя. Но ведь и художественный метод литературы христианского средневековья был не чем иным, как символическим (средневеково-символическим).

18 ПЛДР: XI — начало XII века. С. 392.

Причем таким видел его не только А. Н. Робинсон, более других настаивавший на данном термине¹⁹, но и все исследователи, которые работали с материалом древнерусской литературы как литературы средневеково-христианской. Конечно, символика троичности, поэтическая сама по себе, как уже отмечалось, выходит за рамки собственно христианской, уходя в глубины раннесредневекового и даже древнего, архаического сознания. Отсюда, по-видимому, и наличие черт литературной и поэтической архаики именно в произведениях Руси XII века, неизменно вызывающее столько восторгов и недоумения, споров и дискуссий, гипотез и сомнений, столько энтузиазма и столько скепсиса.

И более всего интригует по-прежнему текст «Слова о полку Игореве», который в данном случае рассматривается на пространстве его экспозиции. Сразу стоит сказать, что исследованию текста вступления «Слова» посвящены многие работы, причем некоторые авторы, как, например, В. Г. Смолицкий, четко видят в нем все функции экспозиции: «Вступление «Слова о полку Игореве» — это увертюра, где в зародыше имеются уже все темы, которые будут развиты в основной части»²⁰. Подобное уже отмечалось выше по поводу экспозиции «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича», где действительно на фоне нравственно-общественного идеала любви и братолюбия князей (на съезде в Любече) просматриваются линии вероятного крестопреступления и наказания крестопреступников от Креста же (что реально и происходит в финальном эпизоде повести, описании битвы на Рожни с явлением Креста над битвой и поражением крестопреступника Святополка Изяславича).

Многочисленные и противоречивые материалы научного изучения экспозиции «Слова» обобщены в статье энциклопедии «Слова о полку Игореве», которая озаглавлена «Зачин в «Слове»»²¹. Общая тональность статьи связана с традиционно обсуждаемой здесь Бояновой темой — как в экспозиции, так и отчасти в «Слове» в целом. Конечно, эта тема как литературный прием автора, определивший, в конечном счете, основные черты поэтического своеобразия «Слова», принципиальна и с точки зрения поэтики экспозиции, и всего произведения. Если рассматривать образ Бояна как поэтическое «альтер эго» автора, своего рода поэтической альтернативы (в отличие от нравственной альтернативы, структуру которой высвечивает Владимир Мономах в экспозиции своего исповедального текста «Поучения»), то это как раз та «антитеза-скрепа», которая, будучи развернута именно в экспозиции, завязывает и литературно-поэтически программирует все произведение от начала до финала. Важно же отследить и структурные аспекты намеченных соотношений, рассмотрение которых обычно ограничивается описательными подходами. Тем более, что выше уже на материале нескольких литературных памятников Руси XII века прослежены определенные структурно-типологические закономерности, особенности текста, в частности, экспозиции.

Автор «Слова» четко и недвусмысленно использует тройной повтор глагольных форм со значением «начала»: 1) «Не лѣпо ли ны бяшегь, братие, начяти старыми словесы...» 2) «Начати же ся тѣй песни...» 3) «Почнемь же, братие, повѣсть сию»²². Действительно, текст экспозиции здесь сближается с поэтическим зачином, ибо при том, что в других памятниках Руси XII века тройной повтор в экспозиции весьма значим (сравните «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери»), но только в «Слове» он поэтически (литературно) самоценен. Тем не менее структурно-типологически все тройные повторы в экспозиции памятников литературы Руси XII века (включая «Слово») выстраиваются в единую систему, подчиненную структурным законам литературной архитектоники.

¹⁹ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. М., 1980. ²⁰ Смолицкий В. Г. Вступление в «Слове о полку Игореве» // ТОДРА. Т. ХН.Л., 1956. С. 5—19

²¹ Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. СПб., 1995. С. 215—218 (автор статьи Л. В. Соколова).

²² Слово о полку Игореве / Подг. Д. С. Лихачева. Л., 1976. С. 27—28.

Проблема повторов в «Слове», пожалуй, собрала еще больший массив научно-исследовательской литературы, чем изучение вступления или экспозиции произведения. Об этом говорит, например, и объем и глубина соответствующей статьи («Повторы в «Слове»») в «Энциклопедии «Слова о полку Игореве»»²³. Кроме старых авторов, в последнее время чаще других к этой теме обращались Д. С. Лихачев, Н. С. Демкова, Т. М. Николаева, а также Б. М. Гаспаров²⁴. Примечательно, что Н. С. Демкова в своем исследовании «Повторы в «Слове о полку Игореве»» последовательно отмечает моменты тройных текстовых повторов в различных эпизодах «Слова»: выступления в поход, подготовки к бою, «золотого» слова Святослава и т. д. Тройность характерна для поэтической структуры плача-заклинания стихий Ярославны. В истории изучения «Слова» были даже случаи, когда возникали дискуссии о тройном «универсализме» поэтики «Слова» (см. статью Л. А. Дмитриева «Принцип трехчленное в композиционном построении «Слова о полку Игореве»») ²⁵. В сущности все это свидетельствует о том, что тройной повтор есть ни что иное, как структурный момент экспозиции произведения. Не менее интересны наблюдения Н. С. Демковой о тройной знаковости композиционного строения «Слова о Законе и Благодати» Илариона, как первого литературного (и одновременно христианско-литургического) памятника литературы Руси. Это еще раз подтверждает важность рассматриваемых аспектов экспозиции литературных памятников Руси XII века в плане изучения литературной поэтики, ее специфики для всего массива ранней литературы Руси. Речь идет не о «толковании», как нередко обозначалось раньше (см., например, старую работу проф. В. Ф. Ржиги «Композиция «Слова о полку Игореве»» 1925 г.)²⁶, а о выявлении структурных текстовых параметров, закономерностей поэтической (литературно-поэтической) архитектоники такой функционально значимой составляющей текста «Слова», как его экспозиция. При том, конечно, что выстраиваются структурно-типологические корреляты отнюдь не в волюнтаристском, а, напротив, в органичном литературном контексте оригинальной традиции Руси XII века.

Второй важной чертой текста экспозиции «Слова» является система антитезскреп, которая, как и в экспозиции «Поучения» Мономаха, материализована в последовательности отрицательных синтаксических конструкций. Таких конструкций, как и эпизодов в «Поучении» Мономаха, три: 1) «Не дѣпо ли ны бяшетъ. братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о плъку Игореве, Игоря Святъславича»; 2) «Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!»; 3) «Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедей пуцаше. нѣ своя вѣщиа прѣсты на живая струны въекладаше...»²⁷. В первой из отмеченных фраз отрицается идея воспользоваться традицией «старых словес» (Бояна) для создания поэтического текста о судьбе похода Игоря и судьбах Русской земли в целом. Как бы ни рассматривалась данная фраза разными исследователями, всех их объединяет момент оппозиции, отталкивания от старой манеры Бояна, заложенный в первой фразе «Слова». Вторая и третья антитезы-скрепы также связаны с поэтической манерой Бояна, подчеркивают принципиальную интонацию автора, который «отталкивается» от «старых словес» Бояна для формирования на этой литературной поэтической основе своего оригинального текста. Задача, повто-

²³ Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. СПб., 1995. С. 125—130 (автор статьи М. Д. Каган).

²⁴ Лихачев Д. С. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // Русская литература. 1983. № 4; Демкова Н. С. Повторы в «Слове о полку Игореве» // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 59—73; Она же. Средневековая литература Руси. Поэтика, интерпретация, источники. СПб., 1997; Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000.

²⁵ Дмитриев Л. А. Принцип трехчленности в композиционном построении «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. XVI. М.; Л., 1960. С. 606—610.

²⁶ Ржига В. Ф. Композиция «Слова о полку Игореве» (см. перепечатку текста издания 1925 года в книге: Древнерусская литература в исследованиях. Хрестоматия / Сост. В. В. Кусков. М., 1986. С. 205—222).

²⁷ Слово о полку Игореве. С. 27—28.

ряем, не нравственно-этическая (как это было у Владимира Мономаха в построении литературной концепции его исповеди), а собственно литературная, поэтическая (но ведь некоторые ученые считают, что «Слово о полку Игореве» по своему жанру есть поэма). Достаточно интересно в обсуждаемом контексте троичных повторов, что известное обозначение жанровой специфики своего произведения автор последовательно формулирует как «слово», «ггѣсьнъ» или «повѣсть». В. Ф. Ржига в этом плане справедливо замечает, что «Слово» открывается раздумьем поэта о том, как начать песню, и особо подчеркивает его связь с выбором поэтической формы и динамическими проблемами авторской поэтики «Слова» и других вероятных произведений того же автора («раздумье о путях творчества»). Действительно, с вопросами не просто поэтики, но, прежде всего, динамической поэтики текста (ср. термин Д. С. Лихачева «динамический монументализм») сопряжены текстовые повторы, а данном случае троичные повторы в структуре экспозиции произведения. «Слово» здесь в функциональном отношении полностью подключается к литературной традиции XII века в ряду обсуждавшихся выше памятников. И. П. Еремин в своей статье о жанровой природе «Слова» прозорливо возводит традицию динамических антигез-скреп в «Слове» и памятниках Руси XII века к святоотеческим образцам, в частности, в произведениях самого поэтичного из греческих отцов церкви Григория Богослова — его первого слова против Юлиана (по переводу из издания Миня): «И мне теперь прилично возгласить одно с всегласнейшим из пророков Исайею! В одном у нас разность: пророк призывает небо и землю во свидетели против отвергшегося от Бога Израиля, а я призываю против мучителя... Несу слово свое в дар Богу, священнейший и чистейший всякой бессловесной жертвы, несу не по подражанию мерзким речами суесловию лжемудрецов нынешнего века, а следуя примеру блаженнейшего Давида»²⁸. Кстати, тот же И. П. Еремин в своем анализе вступления-экспозиции «Слова» в названной выше работе настаивал именно на типологическом принципе текстовых соотношений в исследовании поэтики вступления, да и «Слова» в целом. Конечно, ученый прекрасно отдавал себе отчет в нюансах функционального контекста в сопоставляемых текстах: полемического (прежде всего в христианско-богословском ключе) у Григория Богослова и литературно-поэтическом (с точки зрения различия художественного метода) у автора «Слова о полку Игореве» в его текстовой экспозиции.

Говоря о природе троичной функциональной символики, повторяемости, Жорж Дюби указывает на динамический, иерархический принцип а рамках некой системы, где «тройственность действительно есть один из элементов системы»²⁹. Более того, ссылаясь на «Структурную антропологию» К. Леви-Стросса, он заключает, что «идея обоюдности, взаимности в иерархии — структурно влечет за собой троичность» (подчеркнуто мной — Г. Ф.)³⁰. По сути дела, речь идет о троичности как одном из инвариантов универсального динамического кода (другими инвариантами могут вполне быть и 2 или 4 и, особенно 7, и другие числа, но 3, по-видимому, один из самых древних и общепринятых), в котором, в частности, в контексте средневеково-символического мировосприятия описывались, представлялись переходные, делящиеся данности, не только текстовые, но, например, имеющие отношение к иерархии земного и небесного, суетного и вечного миров. И опять же Ж. Дюби дает интересную формулировку качественного аспекта этой иерархичности, системности: «На этой иерархической конструкции основано все. С вершины (то есть от Бога) нисходят благодать и общий толчок. Любовь, посредством которой осуществляется связь и всякая координация, есть в истоке своем снисхождение»³¹. Речь, конечно, идет о той средневеково-христианской, средневеково-символической

²⁸ Цит. по: Еремин И. П. Жанровая природа «Слова о полку Игореве» // Еремин И. П. Литература древней Руси. Этюды и характеристики. М.; Л., 1966. С. 152.

²⁹ Жорж Дюби. Трехматная модель или представления средневекового общества о самом себе. М., 2000. С. 63.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

парадигме, в русле которой существовали (создавались) и функционировали все разновидности обсуждавшихся литературных текстов Руси XII века. Это в принципе. А реально, то есть, в материально-текстовом воплощении динамический импульс и «толчок», и «снисхождение» структурно-иерархично возникали волею авторов на текстовом пространстве экспозиции, где во всех обсуждавшихся случаях без исключения «работали» механизмы троичного повтора и оппозиций-скреп как ключевых элементов динамической архитектоники текста произведения. «Слово о полку Игореве» в описываемых отношениях ничем не выделяется из общих закономерностей структурной организации текстов литературных памятников Руси XII века, что и продемонстрировал типологический анализ текстов экспозиций целого ряда важнейших произведений данной эпохи, предпринятый под углом зрения изучения их динамической поэтики³².

³² О динамической поэтике литературы Руси XII века см.: Филипповский Г. Ю. Мотив движения в «Слове о полку Игореве» и литературе XII века // Исследования Слова о полку Игореве / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1986. С. 58—64. Вопрос о литературной школе XI—XII в. на Руси был поставлен еще И. П. Хрущевым и Ф. П. Сушицким. См.: Хрущев И. П. О древнерусских повестях и сказаниях XI—XII вв. Киев, 1878.

